

РОССИЯ И ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

М.И. КРОТОВ,

д. э. н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова

и Санкт-Петербургского государственного университета

В данной статье из материалов Третьего Казанского международного конгресса евразийской интеграции – 2022 «Евразийская экономическая перспектива: проблемы и решения» обосновывается необходимость радикального улучшения системы управления экономикой России как главного условия обеспечения национальной безопасности в глобальном противостоянии с «Западом» противодействия внеправовым санкциям и развития евразийского сотрудничества

Основное противоречие глобализации: между старыми («большая семерка» во главе с США) и новыми лидерами (Россия, Китай) в 2022 году приняло антагонистический характер. На западе Евразии происходит дальнейшее расширение НАТО на восток и милитаризация Украины как инструмента сохранения доминирующей роли США. Точно такой же, почти зеркальный процесс, происходит на востоке Евразии, где роль Украины играет Тайвань. При этом делаются попытки развалить ШОС, столкнув Индию с Китаем. Индия, к сожалению, входит в антикитайский аналог НАТО (QUAD).

Глобальный характер западных экономических и политических санкций в отношении России означает разрушение сложившейся правовой модели мировой экономики (отказ от права частной собственности, игнорирование правил ВТО, провозглашение абсолютного первенства политики над экономикой и правом), которое затронет все страны. Приходится констатировать, что США удалось исключить ЕС из проекта «Большая Евразия», который теперь будет формироваться не от Лиссабона до Владивостока, а от Бреста до Шанхая. В то же время западные санкции ускоряют формирование «Большой Евразии», но уже без ЕС.

Очевидным ответом на западные санкции становится резкий поворот

России и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) «на Восток» – к Китаю, Индии, Бразилии, Юго-Восточной Азии и т.д. Такой разворот из-за возрастания роли «Востока» был бы необходим и при сохранении с «Западом» режима наибольшего благоприятствования в экономике. Санкции просто придали этому процессу большой динамизм. На фоне падения объема торговли России с «Западом» резко возрастает объем ее торговли с «Востоком» (объем торговли России с Китаем за первые пять месяцев 2022 года составил 65,8 млрд. долларов [1]). С другой стороны, стремление ЕС перехватить у Китая, Индии и стран Юго-Восточной Азии арабскую нефть и газ вынуждает их потребителей наращивать закупки этих ресурсов в России. В результате происходит глобальное замещение европейских партнеров на азиатских, временно сдерживаемое пока логистическими трудностями.

Мы, при этом, не должны становиться «младшим братом» Китая, как до этого мы многие годы фактически были «младшим братом» США. Нам надо, всячески поддерживая открытость мировой экономики, отказаться, наконец, от порочного принципа «заграница нам поможет». Как отмечалось на саммите ЕАЭС 27 мая, главный приоритет в условиях санкционной войны – развитие российского и связанного с ним евразийско-

го рынка. Необходимо осуществить трансформацию российской экономики, нацелив ее на достижение научно-технологического суверенитета и укрепление ЕАЭС.

Перед ЕАЭС стоят задачи наращивания процессов формирования общего цифрового пространства, реализации совместных программ импортозамещения, формирования новых логистических коридоров «Запад-Восток» и «Север-Юг», выработки совместных мер по переходу к углеродной нейтральности. Одновременно надо обеспечить снятие барьеров в формировании общего евразийского рынка, завершить мероприятия по либерализации сферы услуг, создания нефтегазового и финансового рынков ЕАЭС. Важной задачей остается учет специфики ЕАЭС, в которой страны, богатые ресурсами, объединились со странами, у которых этих ресурсов недостаточно. Ситуация в ЕАЭС и в странах ШОС будет определяться устойчивостью России к санкциям, поэтому от эффективности управления российской экономикой будет зависеть и будущее мира.

Опора на собственные силы вызвана и тем, что в мире пока сохраняется торгово-финансовое и правовое доминирование «Запада» по отношению не только к России, но и к Китаю, Индии, АСЕАН. Наши страны поставляют «Западу» товары и ресурсы, а он в ответ – ничем не обе-

спеченные денежные знаки. Более того, часть торгового профицита мы направляли обратно на хранение Западу в виде золотовалютных резервов, которые из-за инфляции в США и ЕС постоянно обесцениваются.

В результате уровень жизни в странах БРИКС занижен, а в «большой семерке» – завышен. И Запад сегодня бьется за сохранение этой несправедливой диспропорции. Пока же именно Россия, потребовав от недружественных стран оплачивать газ в рублях, а не в их валютах, превращая рубль в инвестиционный инструмент, настаивая на взаиморасчетах в национальной валюте в двусторонней торговле, начинает подрывать сложившийся выгодный «Западу» мировой экономической порядок. И США, и ЕС десятилетиями живут в долг.

Сохранению доминирования «Запада» помогает ангажированная международная судебная система, о псевдо-справедливости которой можно судить по делу «ЮКОСа» и невозврату Украиной кредита России, предоставленного в 2013 г. В отношениях бизнес-структур стран ЕАЭС необходимо полностью исключить английское право, возможность рассмотрения хозяйственных споров в английском, стокгольмском и других прозападных судах, и арбитражах. Поэтому созданный в сто-

лице Казахстана международный финансовый центр, работающий по английскому праву, не может стать финансовым центром ЕАЭС, где 70% взаиморасчетов между субъектами хозяйствования осуществляются в рублях. Нам надо развивать евразийское право и создавать собственную структуру евразийских судов и арбитражей. В договорах «Газпрома» на поставку газа, «РЖД» на предоставление транспортных услуг и т.п. должно быть предусмотрено рассмотрение споров в евразийских судах и арбитражах. В этом случае судебная практика будет соответствовать экономической природе контрактов, заключаемых в национальных валютах России и ее точных партнеров.

Таким образом, речь идет сегодня не просто о рыночной конкурентоспособности России, а о ее способности к выживанию в борьбе с США по всем направлениям: экономики, обороны, политики, права, культуры. Сравнительный анализ способности к выживанию противостоящих друг другу мировых лидеров – США и России – показывает, что слабым звеном США являются природные ресурсы, энергетика (подтверждением являются веерные отключения электричества в ряде штатов и указ президента Байдена о введении чрезвычайного положения в энерге-

тической сфере США в 2022 году). Россия же существенно отстает по численности населения, почему так важно участие ее в ЕАЭС, который с наблюдателями достигает 235 миллионов человек.

Укрепляет демографическую безопасность России и миграция из стран СНГ. Так, спасаясь от нацистов, миллионы жителей Донбасса и юга Украины получают российское гражданство. Отстает Россия и по международной поддержке – действия США на Украине прямо поддерживает 30 стран, а с Россией полностью солидарна только Беларусь. Однако самым слабым звеном в способности России к выживанию, на наш взгляд является действующая пока, зависимая от доллара, система управления экономикой [2].

Успех экономического развития России во многом зависит от эффективности модели управления в условиях санкционной войны. Здесь надо отбросить две крайности: радикально-либеральную и командно-административную. Во-первых, среди части элиты и экспертов прослеживаются надежды на возможность возврата через какое-то время к старой, базирующейся на долларе экономической модели. Отсюда, например, высказывания ответственных лиц о недопустимости любых форм валютного контроля, сохранении бюджетного правила, стремлении выплачивать проценты в валюте, а не в рублях по государственным обязательствам и соблюдать требования ВТО в отношении представителей недружественных стран, продолжении политики налогового маневра в целях поднятия цен на ресурсы до мирового уровня, надежды на западную судебную систему, сохранение «Болонского процесса» и т. д.

Считаю, что политическая инерция не даст нам как минимум целое десятилетие вернуться к уровню доверительных отношений с «Западом». Поэтому стремление возвращать в валюту долговые обязательства кредиторам недружественных стран, которые арестовали 360 млрд. долларов (золотовалютные резервы (ЗВР) и часть Фонда национально-

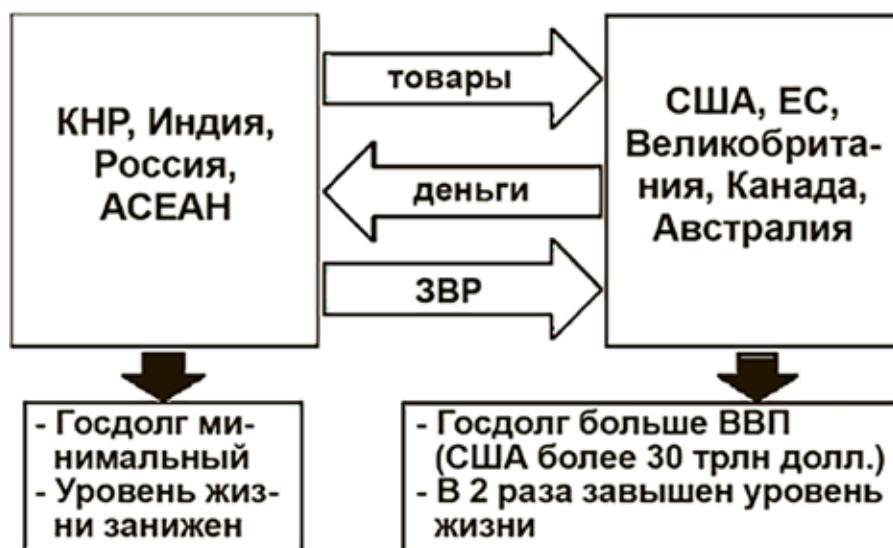

Рис. 1. Схема торгово-финансового доминирования «Запада».

го благосостояния) и огромную сумму (140 млрд. долларов) у граждан и корпораций России, представляется странным. Наоборот, надо, чтобы пострадавшие от своих правительств западные кредиторы были заинтересованы в отмене санкций, чтобы защитить вложенные в Россию 550 млрд. долларов. При этом очевидно, что иностранные инвесторы из России уходят не из-за недоверия к нашей экономике, ее бизнес-климату, а из-за политических требований западных правительств. Отдавая валюту кредиторам из недружественных стран, мы только усиливаем политику санкций против России.

Вторая крайность – призывы к полностью мобилизационной экономике. При этом, конечно, в условиях военной напряженности, необходимости национализации некоторых предприятий из-за ухода из России их собственников, проведения масштабных противосанкционных, в том числе импортозамещающих мер, роль государства, стратегического планирования и современной промышленной политики будет возрастать. Однако речь не может идти о переходе к командной экономике. Речь идет об изменении в пользу государства меры сочетания патернализма и либерализма в экономике с учетом обеспечения национальной безопасности страны.

Повышение роли государства не означает, как предлагают, перехода к директивным, командным методам управления, хотя в экстренных ситуациях они возможны. Государственная промышленная политика не имеет ничего общего с бюрократическими процедурами, вмешательством в дела предприятий и дотированием неконкурентоспособных производств. Речь идет о прогнозировании тенденций народно-хозяйственного развития, государственном маркетинге (обеспечение предприятий стратегической информацией), планировании и организации производства общественных благ соответствующего объема, структуры и качества, разработки и реализации совместно с крупными корпорациями, ассоциациями предпринимателей, потребите-

лей и с профсоюзами ограниченного числа целевых программ, реализующих выявленные макроприоритеты и стимулирующих инвестиции, активной финансовой, налоговой и таможенной политики. Нам надо в принципе усилить роль государства, но сделать это так, как делается в США и других развитых странах, где рынок существенно огосударственен, жестко контролируется через федеральное и региональное законодательство, государственные заказы, инвестиции и целевые кредиты.

В США через 10 тыс. законов в экономике (в основном, прямого действия) прямо регулируется национальный рынок. Например, с 1994 года действует федеральный закон о нормативах расходах воды, который должна содержать конструкция сливного бочка унитаза. Через такие детальные законы прямого действия государство заставляет бизнес и население экономно расходовать важнейший ресурс – воду. В российской экономике, где и законов меньше, и они носят рамочный характер, пока влияние государства на рынок через законодательные рычаги намного слабее, чем в США. И поэтому существенно возрастает роль парламентаризма: Государственная Дума и региональные парламенты именно через законы прямого действия должны усиливать роль государства в российской экономике.

К сожалению, до сих пор актуален сделанный нами с Л. Бляхманом более двадцати лет назад вывод: «Без государственных инвестиционных программ не могут быть восстановлены российская электроника, приборостроение, инфоформатика, авиа- и судостроение» [3]. В условиях санкционного давления «Запада» в рамках стратегического планирования тем более необходимо определить приоритеты современной промышленной политики, разработать государственные инвестиционные программы, нацеленные на создание опережающих мировой уровень критически важных отечественных технологий, обеспечивающих технологический суверенитет России.

Представляется, что надо последовательно проводить те изменения, которые Правительство России уже проводит в ответ на западные санкции, приведя модель управления к обслуживанию реальных интересов России, среди которых на первом месте, конечно же, должно быть обеспечение национальной безопасности, что, к сожалению, до сих пор слабо учитывалось. Представители радикально-либерального экономического направления, доминирующие в течение многих лет при принятии решений по выработке экономической стратегии России и путях ее реализации, полностью абстрагировались от проблемы национальной безопасности. Только этим можно объяснить то, что таргетирование инфляции они считают важнее стратегического планирования, а сжатие монетизации – важнее экономического роста. В результате, из-за страха повышения инфляции в России, огромные валютные средства, получаемые от экспортного профицита, вместо обеспечения экономического роста и повышения уровня жизни в России, направлялись на хранение в недружественные «западные» страны, где сегодня незаконно, но предсказуемо заморожены.

Несомненно, сдерживание инфляции, как и в целом обеспечение финансовой стабильности, является важнейшей задачей макроэкономической политики. Однако четырехпроцентный уровень инфляции может обеспечиваться при низких темпах экономического роста, потери технологического суверенитета, значительного вывоза государственного и частного капитала за рубеж, ослабления уровня экономической безопасности в целом. И, наоборот, инфляция может даже снижаться при проведении эффективной промышленной политики, развитии конкуренции на отечественном и евразийском рынках, повышении производительности труда, снижении финансовой, налоговой и таможенной нагрузки в издержках товаров, повышении уровня экономической безопасности.

Экономическая безопасность России и ее подсистем должны быть главной целью в современной моде-

ли экономического управления. Как подсчитать уровень экономической безопасности России и ее подсистем (макроэкономической, финансовой, производственной, демографической, социальной, продовольственной, энергетической, инвестиционно-инновационной, внешнеэкономической)? В 2016 году в книге «Экономическая безопасность России: системный подход» была опубликована методика расчета экономической безопасности России и ее подсистем, которая вызвала интерес и поддержку экспертного сообщества [4].

По нашим расчетам, до санкций в 2013 году уровень экономической безопасности России составлял 58,3%, при этом самым слабым звеном была демографическая безопасность – 45,9%. Макроэкономическая, инвестиционно-инновационная и внешнеэкономические подсистемы безопасности составляли порядка 55%, то есть были хотя и в неудовлетворительной, но все-таки, не в опасной зоне.

За 3 года санкций, в 2016 году, уровень экономической безопасности снизился до 52,4%. При этом инвестиционно-инновационная безопасность попала в опасную зону и составила 31%. Иными словами, даже в условиях неполных санкций тех лет рассчитывать на иностранные инвестиции, как источник экономического роста, стало невозможно. Однако мы продолжали через бюджетное правило и накопление ЗВР сдерживать экономический рост и ослаблять экономическую безопасность.

Дело даже не в том, что мы потеряли 300 млрд. ЗВР и где-то 50-60 млрд. фонда благосостояния. Замороженные сегодня на «Западе» средства все равно не работали в должной мере на отечественную экономику. Вопрос: зачем мы постоянно повышали неиспользуемую часть фонда национального благосостояния, 7% ВВП, а затем 10% ВВП? Зачем накапливали золотовалютные резервы в таких чрезмерных объемах – более 17 месяцев импорта? То есть фактически мы сами, а не «Запад», сдерживали развитие российской экономики.

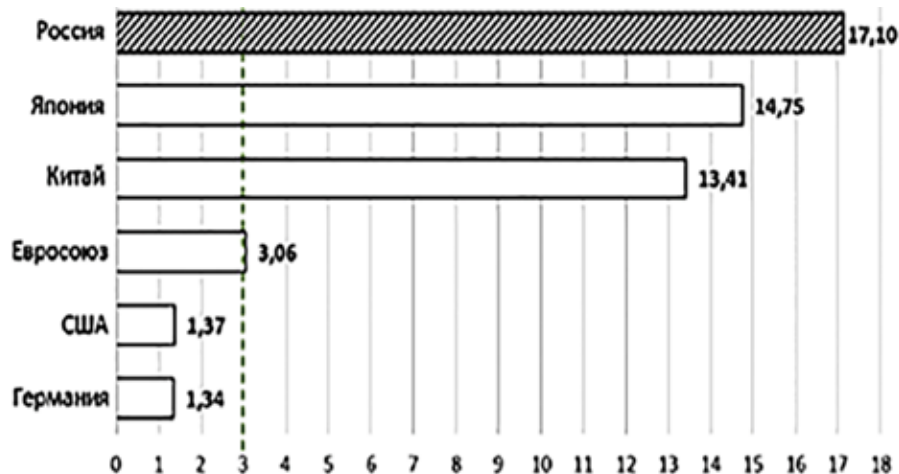

Рис. 2. Золотовалютные резервы в месяцах импорта

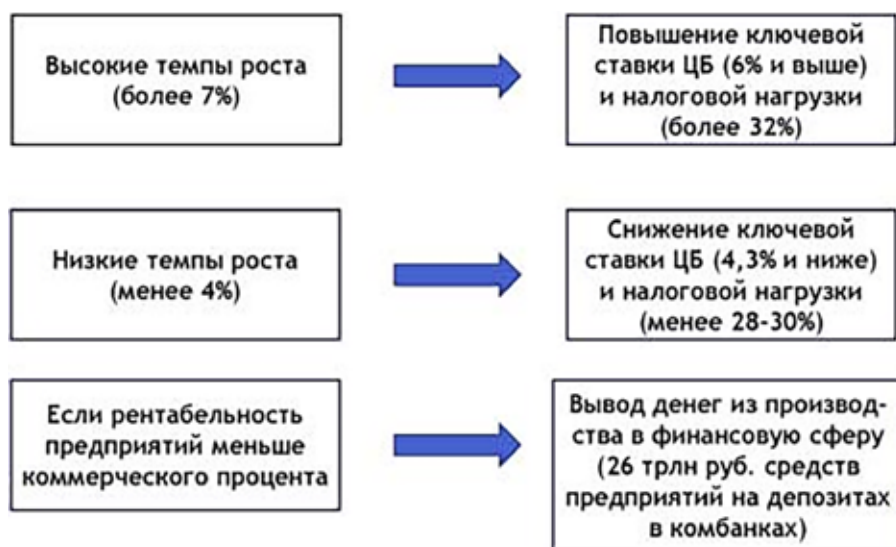

Рис. 2. Золотовалютные резервы в месяцах импорта

В США и ФРГ ЗВР составляют 1,5 мес. импорта, в Европейском союзе – 3 месяца, в Китае, где высокие темпы роста, они все равно были меньше, чем в России – 13 месяцев. У нас даже после кражи осталось ЗВР на 8,5 месяцев импорта, этого вполне достаточно даже с учетом обслуживания долгов. Поэтому в условиях резкого укрепления курса рубля вряд ли оправданы были действия Центробанка, который снова начал покупать валюту и ищет пути стерилизации сверхдоходов сырьевых отраслей России. Для стабилизации рубля правильнее было бы понижать банковский процент, что ЦБ делает под давлением общественности, но недостаточно, и проводить безналичную денежную эмиссию.

В соответствии с мировой практикой, минимально достаточной считается величина резервных активов, соответствующая стоимости импорта товаров и услуг за 3 месяца. Задача государства – исключить волатильность рубля, стабилизировав его курс вокруг заложенной в государственном бюджете величины 73 рубля за доллар, с учетом ослабления (усиления) последнего. Если из-за усиления санкций рубль начнет ослабевать, необходимо использовать меры, которые не блокируют экономический рост: надо не повышать банковский процент, а усиливать валютное регулирование и расширять дефицитный российский экспорт за рубли (пшеница, редкоземельные металлы и т. д.).

Необходимо переходить в управлении экономикой России к принятой во всем мире системе встроенных стабилизаторов. При темпах роста выше 7% надо повышать ключевую ставку ЦБ и налоговую нагрузку. При низких темпах, сохраняющихся уже 10 лет в России, нужно снижать ключевую ставку ЦБ до 4,3% и ниже, а также уменьшать налоговую нагрузку. Она должна быть меньше 28% от ВВП. В противном случае, при сохранении высокой ключевой ставки ЦБ и завышенной маржи коммерческих банков, как это и имеет место в течение многих лет, рентабельность предприятий будет ниже депозитной ставки коммерческих банков, из-за чего сегодня 26 трлн. руб. средств предприятий выведены из производства и лежат на депозитах коммерческих банков.

Поддержке бизнеса в реальной сфере экономики поможет и снижение доли налогов по отношению к ВВП. С 2016 г. по 2018 г. налоговая нагрузка в России выросла с 28% до 36% и до сих пор сохраняется на этом уровне. Сказались рост НДС и НДСПИ. Необходимо резко снижать налоговую нагрузку, в частности снизить НДС с 20% до 18%, 16% и ниже, как это было раньше. Также необходимо снижать НДСПИ на нефть, железную руду и другие ресурсы. Это остановит и инфляцию, которая в России носит немонетарный характер.

Одновременно, при уменьшении общей налоговой нагрузки, надо по опыту США, ЕС, других стран, через прогрессивное налогообложение стимулировать капитализацию прибыли. Задача прогрессивного налогообложения не в том, чтобы отобрать деньги у богатых и поделить их среди бедных, а в том, чтобы они работали, вкладывались в развитие, а не в чрезмерное личное обогащение. Плоская шкала подоходного налога сдерживает отечественные инвестиции в экономику и стимулирует вывоз капитала из страны. Ссылки на невозможность администрирования прогрессивных налогов в условиях цифровизации не выдерживают критики.

Для проведения эффективной промышленной политики налоговая нагрузка и кредиты банков должны выполнять стимулирующую функцию. В этих целях правительство правомерно освободило от налогов IT-компании на три года. В ходе Петербургского международного экономического форума Президент РФ В.В. Путин поставил перед правительством задачи представить ключевые параметры нового режима работы промышленных кластеров, обеспечивающих технологический суверенитет и опережающий мировой уровень промышленной продукции. При этом с 2023 года проекты в этих

кластерах будут получать доступные кредитные ресурсы сроком до десяти лет и по ставке не более 7% годовых в рублях. Одновременно в кластерах будет обеспечен низкий уровень условно постоянных налогов, предоставление субсидий на покупку готовой продукции, запущен инструмент долгосрочных договоров компаний с госучастием с субъектами малого и среднего предпринимательства и промышленная ипотека (долгосрочные кредиты по ставке 5% годовых на покупку производственных площадей) [1].

Наряду с формированием эффективных промышленных кластеров, Президент РФ В.В. Путин подчеркнул важность опережающего развития инфраструктуры. В этих целях используются прямые бюджетные расходы на укрепление транспортных артерий и предоставляются инфраструктурные бюджетные кредиты (выдаются на 15 лет по ставке 3% годовых) [1].

Достижения грандиозных задач в области экономической и социальной политики, да еще в условиях санкций, потребует бюджетного, кредитного и самофинансирования. Где взять для этого средства? Предполагаемый профицит консолидированного бюджета, хотя и составил за пять месяцев 2022 г. 3,3 трлн. руб., явно недостаточен.

Необходимо изменить отношение к монетизации. Ее уровень M2 надо немедленно поднять до порогового значения (с 51% до 75%) путем предоставления долгосрочных безналичных кредитов, других форм безналичной эмиссии. В Японии этот показатель составляет 245%, в Китае — 195%, в ЕС этот показатель меньше, но также намного больше, чем в России. США и ЕС для выхода из кризиса в 2008 году осуществляли существенную эмиссию своих валют. В условиях эпидемии Covid-19 США увеличили за два года денежную массу еще на 5,9 трлн. долларов, а ЕС — на 2,5 трлн. евро [1]. То есть ведущие страны Запада увеличивают свою мировую задолженность и раскручивают в своих странах инфляцию.

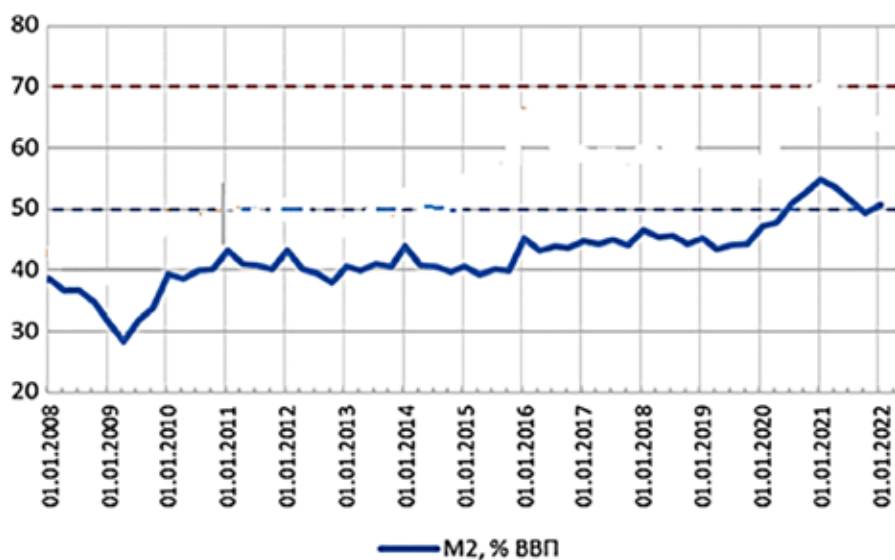

Рис. 4. Монетизация российской экономики

В России же совсем другая ситуация. Низкий уровень монетизации сдерживает экономический рост и искусственно завышает банковские проценты. Поэтому банковский капитал в России носит в известной степени ростовщический характер и недостаточно участвует в промышленных проектах. Мы свободно можем и должны увеличить денежную массу путем предоставления льготных кредитов на 25-30 трлн. рублей. Затем ее можно регулировать с учётом роста ВВП, строго сохраняя уровень монетизации в 75%. Снижение банковских процентов на вклады юридических и физических лиц будет, как и во всем мире, стимулировать инвестиции в реальный сектор экономики. Предприятия при низких процентах на вклады заберут из коммерческих банков большую часть своих депозитов (26 трлн. руб.) и вложат их в собственное развитие. Обеспеченный таким образом экономический рост не приведет к увеличению инфляции.

Правительство России правомерно проводит бюджетные корректировки для противостояния внешнему давлению на страну и рассматривает возможности увеличения расходов федерального бюджета. Этому способствует предоставление правительству полномочий направлять дополнительные нефтегазовые доходы на замещение займов, погашение государственного долга, исполнение других обязательств. Министр финансов РФ А.Г. Силуанов сообщил, что к середине мая Правительство вложило в экономику для проведения антисанкционной политики 8 трлн рублей [5]. С учетом конъюнктуры мирового рынка и низкой монетизации эта сумма может быть больше.

Также надо отказаться от догматического утверждения о несовместимости увеличения оборонных расходов и экономического роста. В мирных условиях пороговое значение этих расходов составляет 5,5–6% от ВВП. Поэтому поднятие этих расходов после начала специальной военной операции до 627 млрд. рублей в месяц вполне укладывается в

годовой норматив 7 трлн. рублей [6]. Тем более что эти средства временно помогут обеспечить и научно-технологический суверенитет, и экономический рост. Нобелевский лауреат П. Кругман, исследуя факторы экономического роста США, пишет: «Каждый год, когда отмечалось существенное увеличение военных расходов, был также годом уверенного роста экономики» [7].

Разворот государства на экономический рост и обеспечение экономической безопасности синхронизирован с радикальным, хотя и вынужденным изменением действий частного российского капитала, обусловленным как валютным контролем государства, пересмотром соглашений по двойному налогообложению с офшорами, переходом ведущих отечественных фирм в российскую юрисдикцию, так и бессмысленным из-за санкций продолжением политики вывода денег в офшоры и на счета западных банков.

Особая проблема – участие в ВТО. С 1999 года до 2012 года, кроме мирового кризиса 2008 года, в России были высокие темпы роста. Что произошло в 2012 году? Мы вступили в ВТО и решили соблюдать бюджетное правило. После этого темпы экономического роста упали до статистической погрешности еще до санкций уже в 2013–2014 годах. Прошло десять лет и пора провести ревизию влияния участия в ВТО на высокотехнологичные отрасли (микроэлектронику, авиа и автостроение, турбостроение), на экономику страны в целом. Во всяком случае, на постсоветском пространстве экономические позиции России из-за вступления в ВТО были ослаблены. Россию приняли в ВТО только после Киргизии, Молдовы, Грузии, Армении, Украины, чтобы мы были обязаны учесть все их требования в двусторонних отношениях. Особенно строго реализовывалась установка «Запада» принимать в ВТО Россию только после Украины.

США и ЕС в политике санкций наплевали на ВТО уже в конце 2014 года. Поэтому нам надо ставить ин-

тересы экономической безопасности Отечества выше принятых, во многом под давлением, международных обязательств. Это относится и к праву интеллектуальной собственности недружественных стран и к непонятно почему криминализованному долгие годы параллельному импорту продукции «западных» монополий. На парламентских слушаниях, организованных Комитетом Госдумы по делам СНГ еще пять лет назад рекомендовалось правительствам ЕАЭС декриминализовать параллельный импорт в интересах отечественных потребителей [8]. Наконец дождалось. Необходимо отметить или существенно доработать и ФЗ-223 «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», в соответствии с которым госкорпорации и унитарные предприятия, в том числе оборонного назначения, должны предавать огласке и структуру закупок, и структуру поставщиков. Это делает невозможным приобретение санкционных товаров и комплектующих.

Необходимо пересмотреть и отношение к налоговому маневру, предполагающему за счет роста НДПИ повышение цен на ресурсы до мирового уровня в соответствии с обязательствами в рамках ВТО. Мы лишаем нашу экономику и население важнейшего конкурентного преимущества – низких цен на энергоносители, железную руду и т. п., раскручиваем инфляцию. При этом приходится расходовать значительные бюджетные средства для субсидирования нефтеперерабатывающих предприятий и ставить в сложное положение партнеров по евразийскому рынку, в частности, Белоруссию. В условиях санкций надо вернуться к практике, когда сверхдоходы регулируются через механизм экспортных пошлин. При этом важно активизировать работу по принятию общих пошлин стран ЕАЭС на вывозимые ресурсы (такая необходимость обусловлена тем, что в отличие от Европейского союза в ЕАЭС входят ведущие сырьевые державы мира). А пока сохраняется различие в пошлинах (на пшеницу в России вывозная

пошлина составляет 100 долларов, на ячмень, кукурузу – 75 долларов; а в Казахстане на все это нулевая пошлина) надо использовать механизм квот и запретов на экспорт.

Несмотря на отмеченные проблемы, Евразийский экономический союз является мощным антисанкционным фактором. Как можно перекрыть поступления санкционных товаров, например, через бестаможенную границу России и Казахстана, протяженностью 7,5 тыс. км? Это просто невозможно. Некоторые заявления, о том, что наши соседи будут поддерживать западные санкции имеют смысл только для успокоения США. Если страны ЕС от антироссийских санкций потеряют порядка 400 млрд. долларов, то экономические потери у стран ЕАЭС и СНГ от соблюдения антироссийских санкций будут катастрофическими.

Другое дело, что ряд финансовых ограничений со стороны банков евразийских стран вызван невозможностью проигнорировать требования западных платежных систем. В то же время платежи по карточкам «Мир» заняли важное место на евразийском рынке. Экономическая интеграция на постсоветском пространстве опирается на мощную экономическую и историческую базу. И прошедшие в мае 2022 года саммиты ОДКБ и ЕАЭС показали солидарность этих стран с Россией. Во всяком случае, зависимость стран ЕАЭС от России больше, чем от «Запада» (к сожалению, этот тезис не всегда справедлив в отношении представителей «элиты» ЕАЭС).

Поэтому, новая, основанная на рубле, система управления экономикой России будет копироваться странами ЕАЭС и СНГ. Для этого Россия должна показать пример дедолларизации не только в своей экономике, но и в экономическом сотрудничестве со странами постсоветского пространства, с которыми нас связывают не только торговые отношения, но и региональное разделение труда и кооперация в рамках совместных предприятий (только с Казахстаном у России 15

тыс. совместных предприятий). Необходимо, чтобы Россия предоставляла своим евразийским партнерам материальную помощь и кредиты не в долларах, а в рублях. В результате спрос на рубли будет усиливаться, а тем самым будет усиливаться и конкурентоспособность российских товаров с высокой добавленной стоимостью.

Пока же Российско-киргизский фонд развития оперирует долларами (1 млрд. долларов), а Евразийский банк развития вообще не имеет рублей, предоставляя кредиты (на сумму более 10 млрд. долларов) в долларах и евро. Существенная часть от предлагаемой денежной эмиссии в России должна быть направлена на совместные экономические и гуманитарные проекты в странах ЕАЭС и СНГ. Очевидно, что значительные рублевые инвестиции в страны СНГ, а также в другие заинтересованные в них страны мира не приведут к инфляции в России.

Евразийская экономическая интеграция, ее институты, адекватная модель управления пока носит узкоэкономический подход. В отличие от Европейского союза, в нашем Союзе пока игнорируется политическая и гуманитарная составляющие. Между тем, наше сотрудничество не может не быть цивилизационно окрашенным, не может не учитывать наши духовные традиционные скрепы.

В отличие от западноевропейской практики, евразийская концепция опирается на многовековой опыт мирного сосуществования и сотрудничества народов, исповедующих христианскую, мусульманскую, буддийскую и иудейскую религии. Наши народы прибыли не из других стран и не в последние годы, а веками вместе жили и работали. Две главные по численности религии Евразии – православие и ислам, при всех теологических различиях, имеют принципиально общую и отличающую их от западного христианства черту – ориентацию на коллективизм, а не индивидуализм, неприятие стремления к умножению богатства любыми путями, уважение к ро-

ли государства в условиях сурового континентального климата и постоянных внешних угроз.

Поэтому эффективная трансформация системы управления экономикой России и бережное отношение и преумножение традиционных ценностей нашей евразийской цивилизации, ее духовное первенство над отказавшимся от своих христианских основ Западом – залог победы России и ее союзников в глобальном экономическом противостоянии.

Литература:

1. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669>
2. Кротов М.И., Мунтиян В.И. Россия в мировой архитектуре: национальная мощь и способность к выживанию. // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 2 (62). – С. 62.
3. Бляхман Л., Кротов М. Глобализационное измерение реформы и задачи промышленной политики. // Российский экономический журнал. – 2001. – № 3. – С. 20.
4. Кротов М.И., Мунтиян В.И. Экономическая безопасность России: Системный подход. – СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2016. – С. 254–335.
5. Силуанов сообщил о «запуске» 8 трлн. рублей на поддержку экономики. // Forbes. 27 мая 2022 г.
6. Силуанов заявил, что поддержка экономики требует «огромных ресурсов» // РБК. 27 мая 2022 г.
7. Кругман П. Выход из кризиса есть! / Пер. с англ. Ю. Гольдберга. – М.: Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2013. – 320 с.
8. Калашников Л.И., Кротов М.И. Трехлетие Евразийского экономического союза и задачи российского председательства. // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 4 (64) – С. 3-6.